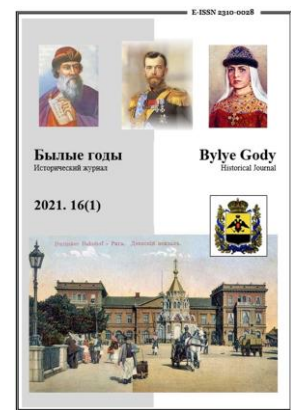

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 138-145.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.138
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the All-Russian Imperial Identity in the Grand Duchy of Finland during the Reign of Alexander III: Historical Contexts and Political Restrictions

Viktor V. Titov ^{a,*}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented study is devoted to the study of the specific and factors that hindered the effective implementation of the policy to promote the imperial form of national-state (all-Russian) identity in the Grand Duchy of Finland during the reign of Alexander III. The purpose of this study is a comprehensive assessment of the factors that acted as obstacles to the successful spread of imperial identity in Finland during the reign of Alexander III. The source base of the work includes materials from the State Archives of the Russian Federation (from the funds of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs) and the Russian State Historical Archives (from the funds of the Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs, the office of the Minister of Internal Affairs and the personal fund of the Minister of Education I.D. Delyanov). The methodology of the work is built through a combination of elements of descriptive, structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that already by the beginning of the reign of Alexander III, the policy of his predecessors led to the emergence of a situation in which the implementation of a comprehensive program for promoting imperial identity in Finland was fraught with undermining Russia's internal political stability. Favorable conditions were formed for the development of Finnish nationalism, first in a cultural and then in a political form. The Grand Duchy turned out to be economically isolated from Russia to a large extent. At the same time, the growth in living standards due to the benefits provided to Finland, along with the creation of a mass education system, contributed to the formation of outgroup discrimination against other subjects of the empire. Traditional institutions for the spread of identity (school, army, church) were isolated at the regional level. The situation was aggravated by the preservation of the image of the “Russian enemy” in the cultural memory of the Finns. As a result, the emperor was forced to choose a course of limited reforms, at the expense of refusing to fully integrate the border region, ensuring the stability of the state.

Keywords: Alexander III, nationality policy, “national question”, national-state identity, imperial identity, Finland, cultural memory.

1. Введение

Национальная политика Александра III традиционно относится к числу тем, актуальность которых всегда остается высокой вне зависимости от степени изученности. Причины этого достаточно очевидны. Как было отмечено Й. Рюзенем, события прошлого, несмотря на наличие жестких требований к уровню объективности исследователя, почти неизбежно интерпретируются в рамках культурного контекста периода жизни конкретного историка и испытывают на себе влияние присущей ему системы ценностей. Как следствие, почти любая тема, обладающая высокой социальной значимостью, периодически подвергается пересмотру в соответствии с текущими трендами, определяющими трансформацию политической и исторической мифологии в конкретном обществе (Баглай, 2016: 799).

* Corresponding author

E-mail addresses: VVTitov@fa.ru (V.V. Titov)

Национальная политика в период правления Александра III, безусловно, принадлежит к числу тех научных проблем, которые продолжают привлекать внимание как специалистов-историков, так и широкого круга общественности в России и Финляндии. Для официального Хельсинки соответствующий исторический период связан с общенациональным «мифом основания», в рамках которого фигуры Александра III, как впрочем и его сына Николая II, позиционируются преимущественно негативно, выступая в качестве оппонентов финских националистов – «отцов» государственности современной Финляндии (либо их прямых предшественников). Поддержание этого мифа требует сохранения яркого и эмоционально насыщенного «образа чужого» (а в отдельных случаях – и «врага»), в результате чего образ Александра III и представления о проводимой им политике в отношении Великого княжества Финляндского зачастую имеют крайне негативный окрас. Соответствующие оценки имеют мало общего с историческими исследованиями и фактами и по большому счету сводятся к использованию инструментов политики памяти в целях обеспечения воспроизводства финской национальной идентичности через отстройку от «завоевателя» в лице исторической России. Закономерной реакцией на это со стороны многих представителей сообщества профессиональных историков становится публикация научных исследований, достоверно отображающих национальную политику Александра III.

В современной России повышенное внимание к политике идентичности в эпоху Александра III обусловлено рядом факторов. С одной стороны, процесс изучения данной темы по-прежнему испытывает на себе влияние политико-конъюнктурных трендов. В советской историографии внутриполитический курс «царя-миротворца» (в контексте решения «национального вопроса») позиционировался сугубо негативно. В 1990-х гг. возникла возможность для ревизии соответствующих концепций на основе объективного, неполитизированного подхода и ввода в научный оборот корпуса новых источников. Однако она так и не была полностью реализована, в первую очередь в силу очередных попыток неумеренной политизации истории правления Александра III. Часть исследователей и лидеров общественного мнения идеализировала фигуру императора, часть – продолжила традицию ее демонизации в ключе парадигмы советской и дореволюционной либеральной историографии. При этом зачастую речь шла скорее о «войне политических символов», нежели расхождении во взглядах научных школ. Для многих сегодняшних монархистов и представителей прочих правых политических течений Александр III представляет собой во многом идеал самодержавного государя, для их политических оппонентов этот монарх служит «воплощением реакции» (Кудряшев, 2013: 58-59; Уикс, 2015: 70).

С другой стороны, высокий интерес к внутренней политике Александра III обусловлен наличием целого ряда острых проблем в функционировании институтов, призванных обеспечивать воспроизводство национально-государственной идентичности россиян сегодня, в начале XXI столетия. Поиск путей их решения неразрывно связан с освоением опыта национального строительства в дореволюционной России. При этом кейс Финляндии обладает особой значимостью. Ни императорская Россия, ни Советский Союз не сумели полноценно инкорпорировать эту страну в свои интеграционные проекты и обеспечить распространение на ее территории универсальной общенациональной политической (фактически – имперской) модели идентичности. За счет этого анализ опыта, накопленного и в период правления Александра III, дает возможность выявить новые базовые закономерности в процессе формирования и распространения национально-государственной идентичности, в том числе – в контексте ее экспансии на территории с интенсивно развивающимися моделями самоопределения, основанными на императивах этнической и конфессиональной принадлежности (Вортман, 1999: 234).

Таким образом, тема продвижения имперской формы национально-государственной идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III обладает высокой актуальностью для экспертной корпорации как России, так и Финляндии, одновременно привлекая интерес специалистов в области истории и политики памяти.

При этом особое значение имеет вопрос о барьерах, наличие которых снижало эффективность политики идентичности Александра III в отношении населения Великого княжества Финляндского. Последнее обусловлено тем, что результативность решений, принятых императором, зачастую оценивается на основе исторических мифов либо интерпретируется сквозь призму культурного контекста современной эпохи.

Целью данного исследования является комплексная оценка факторов, препятствовавших успешному распространению имперской идентичности на территории Великого княжества Финляндского в период правления Александра III.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована в первую очередь за счет привлечения прежде находившихся вне научного оборота документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА). В первом случае речь идет о материалах, отложившихся в фондах 2-го (законодательного) и 3-го (секретного) делопроизводств Департамента полиции Министерства внутренних дел, во втором – о документах Департамента общих дел МВД, канцелярии министра

внутренних дел и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова. В рамках работы над исследованием автор также активно обращался к дореволюционной литературе, посвященной внутренней ситуации в Великом княжестве Финляндском и политике официального Петербурга в отношении данного региона.

Теоретический фундамент исследования был сформирован за счет комбинации психологического и макрополитического подходов к интерпретации феномена идентичности. Методология работы выстроена на основе сочетания элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии исследуемая нами тема получила сравнительно широкое освещение в контексте изучения национальной политики в отношении жителей Великого княжества. Однако оценка эффективности интеграционной политики в опубликованных в данный период работах во многом носила субъективный характер, отражая специфику политических взглядов авторов. Помимо того, исследователи зачастую широко использовали в качестве первоисточника публицистические материалы, достоверность которых представляется дискуссионной (Гильфердинг, 2009; Липранди, 1909).

В советский период тема получила развитие за счет ввода в научный оборот нового пласта источников, что позволило конкретизировать позицию отдельных представителей высшей бюрократии Российской империи по «финляндскому вопросу» и осмыслить влияние экономических факторов на распространение имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском. Однако в то же время оценка ситуации вынуждено выстраивалась в строгом соответствии с базовыми положениями марксизма и точкой зрения младших современников Александра III (Дякин, 1995; Зайончковский, 1970).

В рамках современной историографии заявленная тема подверглась ревизии. Однако ее полномасштабной переоценке на основе принципов объективности и историзма препятствуют сохраняющиеся тенденции во многом конъюнктурной политизации истории правления «царя-мироотворца» и игнорирование многими исследователями современных теорий идентичности (Боханов, 2006; Майорова, 2012).

Соответственно, степень изученности темы свидетельствует о достаточно высоком уровне фундированности вопроса о национальной политике Александра III по отношению к Финляндии в целом. Но в то же время ее характеризует наличие лагун в плане изучения барьеров для эффективной реализации политики идентичности в Великом княжестве, а также осязаемое влияние политизированных версий трактовки событий прошлого и исторических мифов (под которыми в данном случае нужно понимать упрощенные и непротиворечивые варианты интерпретации истории, используемые для обеспечения консолидации той или иной макросоциальной группы).

4. Результаты

Вопреки широко распространенным стереотипам, Александр III не предпринимал мер, направленных на тотальную русификацию Финляндии, и его позиция в данном вопросе отличалась куда большей мягкостью, чем, например, позиция его наследника. В связи с этим весьма примечательно, что многие законодательные нормы, посредством которых Николай II пытался добиться распространения имперской идентичности в Великом княжестве, действительно были разработаны еще при его отце. Однако монарх-мироотворец в итоге отказался от их реализации, поскольку посчитал связанные с этим риски излишне высокими (Миллер, 2007: 335; Мюллер и др., 2017: 205).

Однако в годы своего правления Александр III действительно предпринял ряд шагов, направленный на углубление интеграции Финляндии в империю. В частности, в 1890 г. по воле монарха таможенная и монетная системы Великого княжества были приведены в соответствие с общим законодательством России. Одновременно почтовая система Финляндии была передана в ведение Министерства внутренних дел, а ее сотрудников обязали поднять уровень владения русским языком до свободного. Также на государственные учреждения и коммерческие структуры Финляндии было наложено обязательство принимать в качестве средства расчетов российский рубль. С 1881 г. должность генерал-губернатора Финляндии занимал Ф.Л. Гейден, последовательно проводивший курс на кодификацию законодательства Великого княжества, что заметно ограничивало свободу действий для местных политиков, использовавших неформальные правовые традиции для отстаивания автономии региона (Погодин, 2015: 349; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 17-19). В то же время следует отметить, что император наделил местные власти рядом привилегий. В частности, в 1887 г. монарх даровал сейму Великого княжества право законодательной инициативы (Боханов, 2006: 117; Мессарош, 1897: 75-77).

Одновременно был предпринят ряд неоднозначных мер, в конечном счете затруднивший развитие экономической интеграции Финляндии в состав империи, что негативным образом отразилось на ситуации с продвижением общероссийской (имперской) модели идентичности в финском обществе. Так, в 1885 г. были повышены таможенные тарифы на ввоз товаров из

Финляндии в Россию. Данная мера носила, безусловно, протекционистский характер. В частности, за счет этого законодатель рассчитывал защитить российскую промышленность от экспансии финских конкурентов (за период с конца 1850-х до начала 1880-х гг. вывоз промышленной продукции из Великого княжества в «метрополию» вырос в среднем в 26,6 раз). Однако в итоге это привело к переориентации промышленности Финляндии на рынки Германии и Великобритании (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 187. Л. 81; Морозов, 1895: 57-59; Погодин, Рябова, 2016: 342).

Соответственно, меры, предпринятые Александром III, были ориентированы в первую очередь на развитие экономической и административной интеграции Великого княжества Финляндского с «метрополией». И в то же время они лишь ограниченно затрагивали сферу идентичности и массового сознания финского населения. Фактически речь шла лишь о мерах по русификации бюрократического аппарата. Однако эффективной реализации данного проекта, как и в целом распространению имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском, препятствовал ряд системнозначимых факторов.

Во-первых, эффективность данного процесса снижалась за счет разнообразных льгот, предоставленных Финляндии еще Александром I и Александром II.

Так, Александр Благословенный на длительное время избавил население вновь присоединенной территории от уплаты налогов и содействовал учреждению Банка Финляндии, что придало импульс развитию национального капитала и, как следствие, активному становлению этнической финской интеллигенции как автономного социального слоя (Погодин, 2015: 349). В рамках торговли с бывшей метрополией (Швецией) были установлены перечни товаров, которые освобождались от уплаты пошлины либо подлежали обложению минимальным сбором. Последнее способствовало сохранению и расширению традиционных экономических связей финской буржуазии со Швецией и с западными государствами в целом, нивелируя потенциал интеграции Финляндии в экономическое пространство Российской империи и снижая заинтересованность местных коммерсантов в налаживании контактов с внутрироссийскими контрагентами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 156. Л. 73; Сосновских, 2016b: 127).

К моменту начала правления Александра III уровень интеграции Финляндии в военную структуру империи был также невысок. Здесь следует отметить, что за несколько десятилетий до этого, еще в марте 1810 г., войсковые части, укомплектованные этническими финнами, были фактически ликвидированы. Местное население использовалось только при формировании «поселенческих батальонов», существовавших в период 1810–1867 гг. Их численность колебалась в пределах от 700 до 7 тыс. человек. Они не участвовали в боевых действиях за пределами Финляндии и комплектовались почти исключительно местными жителями. Кроме периода 1855–1867 гг., жители Великого княжества вплоть до 1881 г. также могли освободиться от службы в армии посредством выплаты денежного налога, равного полной стоимости содержания солдата (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 72. Л. 73; Липранди, 1909: 47).

Таким образом, армия как институт (также, как и школа, госучреждения и церковь) не играла роль центра распространения имперской идентичности или хотя бы главного фактора ее экспансии – русского языка.

В 1860-х гг. «царь-освободитель» сделал финский язык государственным (намереваясь за счет этого ослабить политическое влияние шведскоговорящей части местных элит). В 1872 г. была проведена школьная реформа, приведшая к созданию системы массового начального образования на национальном языке. Роль валюты в Великом княжестве стала играть финская марка. В 1865 г. она была отделена от рубля и привязана к международному серебряному стандарту, а в 1877 г. – к золотому. Ставки таможенного тарифа Великого княжества с 1877 г. были зафиксированы на уровне заметно ниже общероссийского, что облегчило для местных промышленников закупку дорогостоящего фабричного оборудования за рубежом. Отмена ограничений на лесопиление в 1861 г. и сопутствующее развитие бумагодельного производства способствовали модернизации транспортной системы и косвенно придали импульс развитию товарного сельского хозяйства, одновременно стимулируя рост урбанизации. Новый сеймовый устав 1869 г. открыл возможность создавать в Финляндии политические партии. Военная реформа Д.А. Милютин также не способствовала интеграции Финляндии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 43. Д. 156. Л. 41; Мессарош, 1897: 41). В соответствии с законом о воинской повинности от 27 декабря 1878 г. укомплектованные жителями Финляндии подразделения сводились в так называемые «финские войска», обладавшие собственной системой управления, снабжения и даже судопроизводства. Примечательно, что смотры финских подразделений регулировались шведскими инструкциями 1794 и 1798 гг. При этом со временем финские подразделения превратились в инструмент давления на Санкт-Петербург со стороны местных националистов. Помимо 6 тыс. бойцов регулярной армии, к ним относилось то же количество резервистов, большая часть которых имела прекрасные навыки обращения с огнестрельным оружием и хорошую лыжную подготовку. На фоне растущего напряжения во взаимоотношениях с Германией и укрепления финского национализма у многих представителей петербургского истеблишмента начали возникать сомнения относительно того, на чьей стороне выступят 12 тыс. вооруженных финнов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 24. Л. 15; Липранди, 1909: 50).

Ситуацию усугубляла относительно низкая степень инкорпорированности финской аристократии в российскую военную элиту. В начале 1870-х гг. в императорской армии служило лишь около 500 офицеров-выходцев из Финляндии. При этом нужно учитывать, что финскому дворянству была присуща развитая воинская традиция, сформировавшаяся в предшествующие столетия система босталей (bostall) – освобожденных от налогов поместий, владельцы которых выступали в качестве основного источника комплектования офицерского корпуса. Таким образом, низкая доля выходцев из Финляндии в структуре офицерского корпуса является некой исторической аномалией с учетом того, что участие в многочисленных войнах, которые вела Россия, открывало для представителей финского дворянства широкие возможности с точки зрения карьерного продвижения и вхождения в военную элиту одной из ведущих мировых держав (Симонов, 2003: 24-25).

Таким образом, к моменту начала правления Александра III Великое княжество Финляндское, в течение более 70 лет формально являясь частью империи, так и не было охвачено целостной системой институтов трансляции российской идентичности, таких как сфера образования, армия и церковь. Проводимая Санкт-Петербургом политика способствовала экономическому обособлению Финляндии от России и развитию ее хозяйственных связей со странами Западной и Северной Европы. Интенсивное развитие экономики и создание системы массового образования способствовали резкому увеличению численности этнической интеллигенции и в целом росту национального самосознания финнов. При этом относительно высокий уровень образования (на массовом уровне) и материального благосостояния, а также наличие достаточно широких политических прав по сравнению с большинством русскоязычного населения империи, создавали благоприятные условия для формирования ингруппового фаворитизма (системы представлений о превосходстве собственной социальной общности над прочими) и аутгрупповой дискриминации (комплекса представлений о более низком статусе прочих общественных корпораций) (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 282. Л. 14; Гильфердинг, 2009: 28).

Таким образом, следует признать, что потенциал нивелирования упомянутых выше препятствий для формирования общероссийской национально-государственной идентичности на территории Финляндии был существенным образом ограничен. Попытки более интенсивной популяризации православия среди населения Финляндии также носили весьма сдержанный характер, поскольку они могли сыграть роль триггера межэтнического конфликта с учетом широкого распространения финского национализма и наличия у его последователей четкого культурного маркера в виде принадлежности к лютеранской церкви. Русификация школы не только представляла собой фактор повышенного риска с политической точки зрения, но и наталкивалась на серьезные барьеры в виде отсутствия кадровой и методологической базы (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 175. Л. 27; Сосновских, 2016а: 206). Следует помнить о том, что современная система массового начального образования в России начала складываться лишь при Николае II, и потому на время правления его отца поиск достаточного количества русскоязычных преподавателей представлял собой крайне сложную задачу. Тем более что они при этом должны были бы иметь подготовку, необходимую для обучения носителей другого языка. Первая (и единственная) попытка совместного обучения русских и финских воинских частей в летних полевых лагерях в 1893 г. закончилась массовой дракой, участники которой разделились по этническому принципу. Использование инструментов искусственного сдерживания развития экономики Финляндии привело бы к опасному росту недовольства среди всех слоев населения Великого княжества. Попытки развить хозяйственную интеграцию за счет предоставления Финляндии льгот, обеспечивающих местным производителям легкий доступ на внутренний рынок, натолкнулись бы на сопротивление со стороны российских фабрикантов и, вероятнее всего, привели бы к вытеснению промышленников «метрополии» из целого ряда экономических ниш (РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 211. Л. 14; Симонов, 2003: 27).

Соответственно, даже осознавая масштабы и сущность имеющихся проблем, Александр III не мог реализовать комплексную программу распространения общероссийской национально-государственной идентичности в ее имперском варианте, не рискуя спровоцировать острый кризис внутри княжества либо на территории метрополии. Одновременно необходимо подчеркнуть, что реализация ряда проектов требовала бы значительного отвлечения ресурсов от иных, стратегически значимых направлений социально-экономической модернизации государства. И в этой ситуации императором было принято рациональное, на наш взгляд, решение отказаться в среднесрочной перспективе от планов форсированного распространения в Финляндии имперской идентичности. Попытка полноценной интеграции окраинного региона могла бы как осложнить реализацию других стратегических проектов общероссийского уровня, так и создать очаг напряженности в опасной близости от границ с все более враждебной Германией. В сложившейся ситуации оптимальным вариантом объективно оставался курс на частичную интеграцию Великого княжества Финляндского, обеспечивающий сохранение политической лояльности большинства его населения. Правильность данного решения косвенно подтверждают негативные последствия попыток более интенсивной «русификации» Финляндии при Николае II.

Помимо этого, следует учитывать культурный контекст, в рамках которого Александр III был вынужден выстраивать политику идентичности в отношении Финляндии. Данный регион в течение

многих столетий оставался «полем битвы» между Россией и Швецией. При этом необходимо учитывать и то, что реалии военных конфликтов XV–XIX вв. были достаточно суровы: мирное население неизбежно становилось жертвой (в той или иной степени) обеих воюющих сторон, что, в свою очередь, формировало негативный образ российских войск в сознании финского населения и, следовательно, самой империи. Значимость данной проблемы наглядно демонстрирует факт того, что в период войны 1808–1809 гг. в тылу российских войск развернулись широкомасштабные партизанские операции с участием финских крестьян, отличительной чертой которых являлись многочисленные факты крайне жестокого обращения с российскими пленными (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 219. Л. 57; Гильфердинг, 2009: 39). Из-за войн со Швецией Россия во многом превратилась для части финнов в «исторического врага», и специфика мировосприятия аграрно-патриархального на тот момент финского общества обеспечивала высокую ригидность соответствующих стереотипов.

В связи с этим необходимо вспомнить, что Финляндия полностью была завоевана Швецией уже к началу XIV в. Местное население, и в особенности знать, достаточно успешно инкорпорировались в культуру завоевателей. Значительная часть представителей пантеона этнических героев Великого княжества представляет собой не борцов против шведского владычества, а людей, добившихся крупных успехов на службе шведской короне. За счет этого система символов и ценностей, формирующих на массовом уровне коллективный образ прошлого, в случае Финляндии априори носила скорее антироссийский и прошведский характер.

5. Заключение

Можно констатировать, что уже к моменту начала правления Александра III ситуация в Великом княжестве Финляндском сложилась таким образом, что любые активные попытки продвижения имперской идентичности на его территории могли привести к стремительному росту политической нестабильности в регионе и, как следствие, усилению внешней опасности на западных границах России.

Это положение вещей было обусловлено в первую очередь воздействием двух факторов. С одной стороны, политика Александра I и Александра II в отношении Финляндии способствовала развитию сначала культурного, а потом и политического финского национализма. Традиционные институты социализации и распространения имперской идентичности, такие как школа и армия, были осознанно обособлены. Использование влияния православной церкви в качестве ресурса распространения идентичности купировалось традиционно высоким авторитетом лютеранства в Финляндии как стержневого компонента этноконфессиональной самоидентификации финнов. Экономическая система Великого княжества Финляндского все больше обретала обособленный характер и ориентировалась на европейские рынки. Одновременно экономический рост, во многом обусловленный предоставленными Финляндии льготами, способствовал увеличению численности этнической интеллигенции, укреплению системы массового образования на национальном языке, повышению уровня жизни и формированию установок аутгрупповой дискриминации по отношению к большинству других этносов, населявших Российскую империю. С другой стороны, в силу специфики исторического пути Финляндии Россия и русские отображались в культурной памяти местного населения преимущественно в качестве «чужих». В этой ситуации отказ Александра III от реализации идеи форсированного распространения имперской идентичности в Финляндии, сочетавшийся с «точечными» реформами, представлял собой оптимальный вариант действий со стороны центральных властей империи.

Литература

- Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II / *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. 2016. С. 798-801.
- Боханов, 2006 – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006. 509 с.
- Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233-244.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гильфердинг, 2009 – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // *Россия и славянство*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130-142.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Липранди, 1909 – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.

- Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Мессарош, 1897 – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.
- Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Мионов, 2003 – Мионов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895 – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Погодин, 2015 – Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 3(2014). С. 347-356.
- Погодин, Рябова, 2016 – Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899-1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 338-348.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Симонов, 2003 – Симонов В.А. Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // Региональная и местная власть: проблемы реформирования. Омск, 2003. С. 6-53.
- Сосновских, 2016а – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 1(14). С. 205-207.
- Сосновских, 2016б – Сосновских А.В. Национальная политика Российской империи в отношении Финляндии в период конца XIX – начала XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в государстве // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 11. С. 125-129.
- Уикс, 2015 – Уикс Т.П. Затишье между бурями // Родина. 2015. № 2. С. 69-71.

References

- Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III I Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholas II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798-801. [in Russian]
- Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. M., 509 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Gil'ferding, 2009 – Gil'ferding, A.F. (2009). Rossiya I ee inorodcheskie okrainy na zapade (Russia and its foreign suburbs in the west). *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 278-295. [in Russian]
- Kudryashev, 2013 – Kudryashev, V.N. (2013). Ideya russkoe natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity] *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1. Pp. 58-66. [in Russian]
- Liprandi, 1909 – Liprandi, A.P. (1909). Finlyandskiivopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]
- Maierova, 2012 – Maierova, E.I. (2012). Aleksandr III – bogatyr' narusskomtrone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]
- Messarosh, 1897 – Messarosh, P.I. (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland – State or Russian Outskirts?]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2007 – Miller, A.I. (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov empire]. M., pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003 – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Vol. 1. 547 p. [in Russian]
- Morozov, 1895 – Morozov, P. (1895). Finlyandiya v torгово-promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017 – Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A. (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- Pogodin, 2015 – Pogodin, S.N. (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – Pogodin, S.N., Ryabova, A.L. (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiya v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Simonov, 2003 – Simonov, V.A. (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo I reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problem reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016a – Sosnovskikh, A.V. (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. T. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]

Sosnovskikh, 2016b – Sosnovskikh, A.V. (2016). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Finlyandii v period kontsa XIX – nachala XX vekov i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v gosudarstve [The national policy of the Russian Empire in relation to Finland during the late XIX – early XX centuries and its influence on the development of the crisis in the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. 11: 125-129. [in Russian]

Uiks, 2015 – Uiks, T.R. (2015). Zatish'e mezhduburyami [The lull between storms]. *Rodina*. 2: 69-71. [in Russian]

Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» I natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive*. M., Pp. 233-244. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samodержavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Формирование общероссийской имперской идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III: исторические контексты и политические ограничения

Виктор Валериевич Титов ^{а,*}

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено изучению факторов, препятствовавших эффективной реализации политики по продвижению имперской формы национально-государственной (общероссийской) идентичности в Великом княжестве Финляндском в период правления Александра III. Целью данного исследования является комплексная оценка факторов, выступавших в качестве препятствий для успешного распространения имперской идентичности на территории Финляндии в период правления Александра III. Источниковая база работы включает в себя материалы Государственного архива Российской Федерации (из фондов Департамента полиции МВД) и Российского государственного исторического архива (из фондов Департамента общих дел МВД, канцелярии министра внутренних дел и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова). Методология работы выстроена на основе комбинации элементов дескриптивного, структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что уже к началу правления Александра III политика его предшественников обусловила возникновение ситуации, при которой реализация комплексной программы продвижения имперской идентичности в Финляндии была чревата подрывом внутривнутриполитической стабильности в России. Были сформированы благоприятные условия для развития финского национализма сначала в культурной, а затем и политической форме. Великое княжество оказалось в значительной степени обособлено от России экономически. При этом рост уровня жизни, обусловленный предоставленными Финляндии льготами, наряду с созданием системы массового образования, способствовал формированию аутистической дискриминации в отношении прочих подданных империи. Традиционные институты распространения идентичности (школа, армия, церковь) были обособлены. Ситуацию усугубляло сохранение в культурной памяти финнов образа «русского врага». Как следствие, император был вынужден выбрать курс ограниченных реформ за счет отказа от полноценной интеграции Финляндии в политико-культурное пространство Российской империи.

Ключевые слова: Александр III, национальная политика, «национальный вопрос», национально-государственная идентичность, имперская идентичность, Финляндия, культурная память.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: VVTitov@fa.ru (В.В. Титов)